

Глава первая

Ленка неслась по узким, причудливо горбатым улочкам городка, ничего не замечая на своем пути.

Мимо одноэтажных домов с кружевными занавесками на окнах и высокими крестами телеантенн — вверх!..

Мимо длинных заборов и ворот, с кошками на их карнизах и злыми собаками у калиток — вниз!..

Куртка нараспашку, в глазах отчаяние, с губ слетал почти невнятный шепот:

— Дедушка!.. Милый!.. Уедем! Уедем! Уедем!.. — Она всхлипывала на ходу. — Навсегда!.. От злых людей!.. Пусть они грызут друг друга!.. Волки!.. Шакалы!.. Лисы!.. Дедушка!..

— Вот ненормальная! — кричали ей вслед люди, которых она сбивала с ног. — Летит, как мотоциклетка!

Ленка взбегала вверх по улице на одном дыхании, словно делала разбег, чтобы взлететь в небо. Она и в самом деле хотела бы тотчас взлететь над этим городком — и прочь отсюда, прочь! Куда-то, где ждали ее радость и успокоение.

Потом стремительно скатывалась вниз, словно хотела снести себе голову. Она и в самом деле была готова на какой-нибудь отчаянный поступок, не щадя себя.

Подумать только, что же они с нею сделали! И за что?!

Глава вторая

Ленкин дед, Николай Николаевич Бессольцев, уже несколько лет жил в собственном доме в старом русском городке на берегу Оки, где-то между Калугой и Серпуховом.

Это был городок, каких на нашей земле осталось всего несколько десятков. Ему было больше восьмисот лет. Николай Николаевич хорошо знал, высоко ценил и любил его историю, которая как живая вставала перед ним, когда он бродил по его улочкам, по крутым берегам реки, по живописным окрестностям с древними курганами, заросшими густыми кустарниками жимолости и березняком.

Городок за свою историю пережил не одно бедствие.

Здесь, над самой рекой, на развалинах старого городища, стоял когда-то княжеский двор и русская дружина насмерть дралась с несметными полчищами хан-

ских воинов, вооруженных луками и кривыми саблями, которые с криками: «Та Русь! Та Русь!..» — на своих низкорослых крепких конях пытались переправиться с противоположного берега реки на этот, чтобы разгромить дружину и прорваться к Москве.

И Отечественная война 1812 года задела городок своим острым углом. Армия Кутузова тогда пересекла его вереницей солдат и беженцев, повозок, лошадей, легкой и тяжелой артиллерии со всевозможными мортирами и гаубицами, с запасными лафетами и полевыми кузницами, превратив и без того худые местные дороги в сплошное месиво. А потом по этим же дорогам русские солдаты с невероятной, почти нечеловеческой отвагой, не щадя живота своего, днем и ночью, без передыха гнали измученных французов обратно, хотя совсем было непонятно, откуда они взяли силы. После такого длинного отступления, голода и эпидемий.

И отсвет завоевания Кавказа русскими коснулся городка — где-то здесь в великой печали жил пленный Шамиль и горцы, которые его сопровождали. Они слонялись по узким улочкам, и их безумный тоскующий взор напрасно искал на горизонте гряду гор.

А первая империалистическая как буря унесла из городка всех мужчин и вернула их наполовину калеками — безрукими, безногими, но злыми и бесстрашными. Свобода была дороже им собственной жизни. Они-то и принесли революцию в этот тихий, маленький городок.

Потом, много лет спустя, пришли фашисты — и прокатилась волна пожаров, виселиц, расстрелов и жестокого опустошения.

Но прошло время, окончилась война, и городок вновь возродился. Он стоял теперь, как и прежде, раз-

машисто и вольно на нескольких холмах, которые крутыми обрывами подступали к широкой излучине реки.

На одном из таких холмов и возвышался дом Николая Николаевича — старый, сложенный из крепких бревен, совершенно почерневших от времени. Его строгий простой мезонин с прямоугольными окнами затейливо украшали четыре балкончика, выходящие на все стороны света.

Черный дом с просторной, открытой ветрам террасой был совсем не похож на веселые, многоцветно раскрашенные домики соседей. Он выделялся на этой улице, как если бы суровый седой ворон попал в стаю канареек или снегирей.

Дом Бессольцевых давно стоял в городке. Может быть, более ста лет.

В лихие годы его не сожгли.

В революцию не конфисковали, потому что его охраняло имя доктора Бессольцева, отца Николая Николаевича. Он, как почти каждый доктор из старого русского городка, был здесь уважаемым человеком. При фашистах он устроил в доме госпиталь для немецких солдат, а в подвале в это время лежали раненые русские, и доктор лечил их немецкими лекарствами. За это доктор Бессольцев и был расстрелян, здесь же, посреди своего широкого двора.

На этот раз дом спасло стремительное наступление Советской Армии.

Так дом стоял себе и стоял, всегда переполненный людьми, хотя мужчины Бессольцевы, как и полагалось, уходили на разные войны и не всегда возвращались.

Многие из них оставались лежать где-то в безвестных братских могилах, которые печальными хол-

мами разбросаны повсеместно в Центральной России, и на Дальнем Востоке, и в Сибири, и во многих других местах нашей земли.

До приезда Николая Николаевича в доме жила одинокая старуха, одна из Бессольцевых, к которой все реже и реже наезжали родственники, — как ни обидно, а род Бессольцевых частично рассыпался по России, а частично погиб в борьбе за свободу. Но все же дом продолжал жить своей жизнью, пока однажды разом не отворились все его двери и несколько мужчин молча, медленно и неловко вынесли из него на руках гроб с телом сухонькой старушки и отнесли на местное кладбище. После этого соседи заколотили двери и окна бессольцевского дома, забили отдушины, чтобы зимой дом не отсырел, прибили крестом две доски на калитку и ушли.

Впервые дом оглох и ослеп.

Вот тут-то и появился Николай Николаевич, который не был в городке более тридцати лет.

Он только недавно похоронил свою жену и сам после этого тяжело заболел.

Николай Николаевич не боялся смерти и относился к этому естественно и просто, но он хотел обязательно добраться до родного дома. И это страстное желание помогло ему преодолеть болезнь, снова встать на ноги, чтобы двинуться в путь. Николай Николаевич мечтал попасть в окружение старых стен, где длинными бессонными ночами перед ним мелькали бы вереницы давно забытых и вечно памятных лиц.

Только стоило ли ради этого возвращаться, чтобы на мгновение все это увидеть и услышать, а потом навсегда потерять?

«А как же иначе?» — подумал он и поехал в родные края.

В страшные часы своей последней болезни, в это одиночество, а также в те дни, когда он буквально погибал от военных ран, когда нет сил ворочать языком, а между ним и людьми появлялась временная полоса отчуждения, голова у Николая Николаевича работала отчетливо и целеустремленно. Он как-то особенно остро ощущал, как важно для него, чтобы не порвалась тоненькая ниточка, связывающая его с прошлым, то есть — с вечностью...

Целый год до его приезда дом простоял заколоченный. Его поливали дожди, на крыше лежал снег, и никто его не счищал, поэтому крыша, и так уже давно не крашенная, во многих местах прохудилась и проржавела. А ступени главного крыльца совсем прогнили.

Когда Николай Николаевич увидел свою улицу и свой дом, сердце у него заколотилось так сильно, что он испугался, что не дойдет. Он постоял несколько минут, отдышался, твердым военным шагом пересек улицу, решительно оторвал крест от калитки, вошел во двор, отыскал в сарае топор и стал им отрывать доски от заколоченных окон.

Неистово работая топором, забыв впервые о больном сердце, он думал: главное — отколотить доски, открыть двери, распахнуть окна, чтобы дом зажил своей постоянной жизнью.

Николай Николаевич закончил работу, оглянулся и увидел, что позади него, скорбно сложив на груди руки, стояло несколько женщин, обсуждающих его, прикидывая, кто бы из Бессольцевых мог это быть. Но они все были еще так молоды, что не могли знать Николая Николаевича. Перехватив его взгляд, женщины заулыбались, стгорая от любопытства и желания

поговорить с ним, но он молча кивнул всем, взял чемоданчик и скрылся в дверях.

Николай Николаевич ни с кем не заговорил не потому, что был так нелюдим, просто каждая жилка дрожала у него внутри при встрече с домом, который был для него не просто дом, а его жизнь и колыбель.

По памяти дом всегда казался ему большим, просторным, пахнувшим теплым воздухом печей, горячим хлебом, парным молоком и свежевывытыми полами. И еще когда Николай Николаевич был маленьким мальчиком, то всегда думал, что у них в доме живут не только «живые люди», не только бабушка, дедушка, папа, мама, братья и сестры, приезжающие и уезжающие бесчисленные дяди и тети, а еще и те, которые были на картинах, развешанных по стенам во всех пяти комнатах.

Это были бабы и мужики в домотканых одеждах, со спокойными и строгими лицами.

Дамы и господа в причудливых костюмах.

Женщины в расшитых золотом платьях со шлейфами, со сверкающими диадемами в высоких прическах. Мужчины в ослепительно белых, голубых, зеленых мундирах с высокими стоячими воротниками, в сапогах с золотыми и серебряными шпорами.

Портрет знаменитого генерала Раевского, в парадном мундире, при многочисленных орденах, висел на самом видном месте.

И это чувство, что «люди с картин» на самом деле живут в их доме, никогда не покидало его, даже когда он стал взрослым, хотя, может быть, это и странно.

Трудно объяснить, почему так происходило, но, будучи в самых сложных переделках, в предсмертной агонии, на тяжелой кровавой работе войны, он, вспо-

миная дом, думал не только о своих родных, которые населяли его, но и о «людях с картин», которых он никогда не знал.

Дело в том, что прапрадед Николая Николаевича был художник, а отец, доктор Бессольцев, отдал многие годы своей жизни, чтобы собрать его картины. И сколько Николай Николаевич себя помнил, эти картины всегда занимали главное место в их доме.

Николай Николаевич отворил дверь с некоторой опаской. Вдруг там что-нибудь непоправимо изменилось?.. И он оказался прав — стены дома были пусты, исчезли все картины!

В доме пахло сыростью и затхлостью. На потолке и в углах была паутина. Многочисленные пауки и паучки, не обращая на него внимания, продолжали свою кропотливую искусную работу.

Полевая мышка, найдя приют в брошенном доме, как цирковой канатоходец, несколько раз весело пробежала по проволоке, которая осталась на окне от занавесей.

Мебель была сдвинута со своих привычных мест и зачехлена старыми чехлами.

Страх и ужас до крайней степени овладели Николаем Николаевичем — подумать только, картины исчезли! Он попробовал сделать шаг, но поскользнулся и еле устоял — пол был покрыт тонким слоем легкого инея. Тогда он заскользил дальше, как на лыжах, оставляя длинные следы по всему дому.

Еще комната!

Еще!

Дальше!

Дальше!

Картин нигде не было!

И только тут Николай Николаевич вспомнил: сестра писала ему в одном из последних писем, что сняла все картины, увернула их в мешковину и сложила на антресоли в самой сухой комнате.

Николай Николаевич, сдерживая себя, вошел в эту комнату, влез на антресоли и дрожащими руками стал вытаскивать одну картину за другой, боясь, что они погибли, промерзли или отсырели.

Но произошло чудо — картины были живы.

Он с большой нежностью подумал о сестре, представив себе, как она снимала картины, прятала их, чтобы сохранить. Как она, несильная, усохшая с годами, аккуратно упаковала каждую картину. Видно, трудилась целыми днями не один месяц, исколола себе все руки иглой, пока зашивала грубую мешковину. Один раз упала с полатей — да она писала ему и об этом, — отлежалась и вновь паковала, пока не закончила своей последней в жизни работы.

Теперь, когда картины нашлись, Николай Николаевич взялся за дом. Первым делом он затопил печи, а когда стекла окон запотели, отворил их настежь, чтобы вышла из дома сырость. А сам все подкладывал и подкладывал в печи дрова, замороженный пламенем и гулом огня. Потом он вымыл стены, принес стремянку, добрался до потолков и, наконец, меняя несколько раз воду, выскоблил тщательно полы, половицу за половицей.

Постепенно всем своим существом Николай Николаевич почувствовал тепло родных печей и привычный запах родного дома — он радостно кружил ему голову.

Впервые за последние годы Николай Николаевич освобожденно и блаженно вздохнул.

Вот тогда-то он снял чехлы с мебели и расставил ее. И, наконец, развесил картины... Каждую на свое место.

Николай Николаевич огляделся, подумал, что бы сделать еще, — и вдруг понял, что ему больше всего хочется сесть в старое отцовское кресло, которое называлось волшебным словом «вольтеровское». В детстве ему не разрешалось этого делать, а как хотелось забраться на него с ногами!..

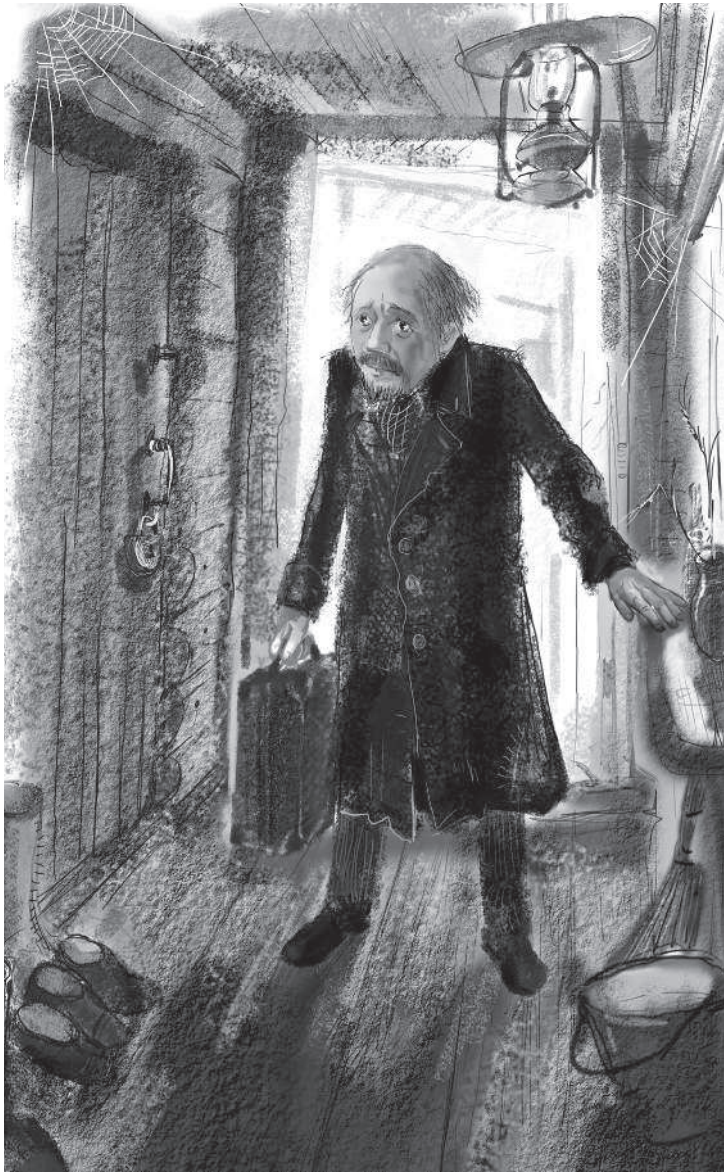
Николай Николаевич медленно опустился в кресло, откинулся на мягкую спинку, облокотился на подлокотники и просидел так неизвестно сколько времени. Может быть, час, а может быть, три, а может, остаток дня и всю ночь...

Дом ожил, заговорил, запел, зарыдал... Множество людей вошли в комнату и окружили кольцом Николая Николаевича.

Николай Николаевич думал о разном, но каждый раз возвращался к своей тайной мечте. Он думал о том, что когда он умрет, то здесь поселится его сын с семьей.

И видел воочию, как сын входит в дом. И конечно, невидимые частицы прошлого пронзят и прогреют его тело, запульсируют кровью, и он уже никогда не сможет забыть родного дома. Даже если уедет в одну из своих экспедиций, где будет искать редчайшие цветы, взбираясь высоко в горы и рискуя сорваться в пропасть, только затем, чтобы посмотреть на едва заметный бледно-голубой цветок на тонком стебельке, который растет на самом краю отвесной скалы.

Нет, Николай Николаевич как раз понимал: жизнь надо рисковать непременно, иначе что же это за жизнь, это какое-то бессмысленное спанье и обжирани-

ние. Но все же он мечтал о том, чтобы сын его вернулся домой или возвращался, чтобы снова уезжать, как это делали прочие Бессольцевы в разные годы по разным поводам.

Когда он очнулся, лучи солнца радужным облачком клубились в доме и падали на портрет генерала Раевского. И тогда Николай Николаевич вспомнил, как он в детстве ловил первые солнечные лучи на этой же картине, и грустно и весело рассмеялся, подумав, что жизнь безвозвратно прошла.

Николай Николаевич вышел на крыльцо и увидел, что солнце осветило балкончик, который выходил на восток, и двинулось, чтобы сделать еще одно кольцо вокруг дома.

Он взял топор, нашел рубанок и пилу, отобрал несколько досок, чтобы починить крыльцо. Как он давно этим не занимался, хотя видно — эта работа крепко «сидела» у него в руках. Он делал все не очень ловко, но с большой охотой — ему нравилось держать обыкновенную доску, нравилось скользить по ней рубанком, и городская суета многих последних лет незримо уходила из его сознания.

Дом ему скажет за это спасибо, подумал Николай Николаевич, и он скажет спасибо дому.

Потом Николай Николаевич взобрался на крышу, и лист железа, поднятый ветром, ударил его по спине так сильно, что чуть не сбил с крыши, — он чудом удержался...

Вот тут он впервые почувствовал острый голод, такой у него бывал только в юности, когда он от голода мог потерять сознание. И не удивительно, Николай Николаевич не знал, сколько прошло времени, как он приехал, не помнил, что он ел и ложился ли спать.

Он работал по дому и не замечал мелькания коротких зимних дней. Раннее утро он не отличал от позднего вечера.

Николай Николаевич пошел на базар, купил квашеной капусты, картошки, сухих черных грибов и сварил грибные кислые щи. Съел две тарелки и лег спать.

Встал, по-прежнему не ощущая времени, снова съел щей, звонко рассмеялся, ловя себя на мысли, что узнаёт в интонациях своего смеха смех отца, и снова почему-то лег спать...

С тех пор прошло несколько лет, и Николай Николаевич забыл про свои болезни. Он жил, жил и чувствовал, что стал вынослив, как крепкое старое дерево, хорошо политое весенним дождем.

Его то и дело видели не по возрасту стремительно бегущим по кривым улочкам городка то в одну сторону, то в другую, очевидно без всякого дела, хотя иногда он нес что-то завернутое в материю, — тогда лицо его вдохновенно светилось и молодело.

Те, кто считались сведущими, судачили, что он ищет какие-то картины. Тратит на них уйму денег, а оставшиеся, все без остатка, отдает за дрова. И топит — подумать только! — все печи каждый день, а в морозы и по два раза, чтобы эти его картины не отсырели. И всегда почему-то ночью, зажигая свет во всех комнатах.

Сколько же у него деньжищ уходило зазря: легким дымом через печные трубы в небо, ярким светом электричества в ночь, а главное, на новые картины — мало ему было своих!

Вот поэтому и гол как сокол.

В городке относились к Николаю Николаевичу с настороженным вниманием.